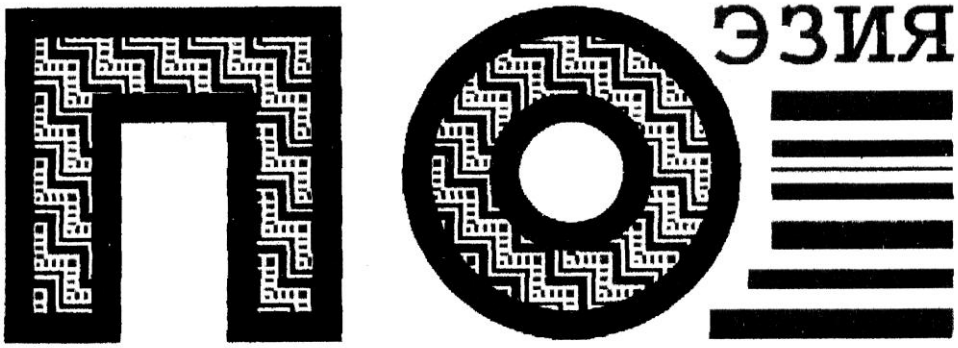
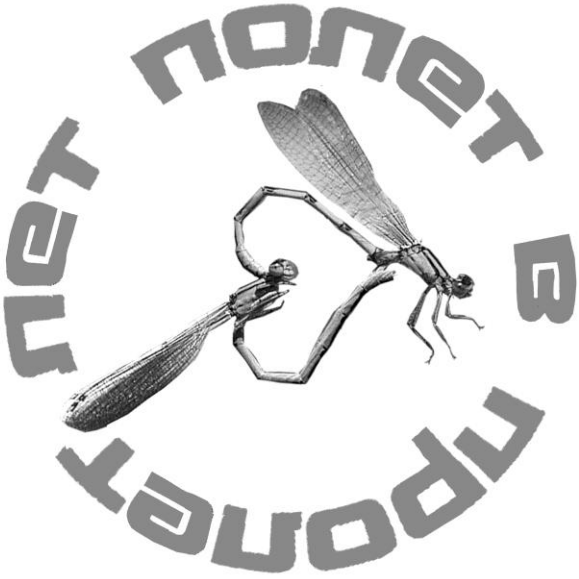
«Да что стихи! Я много их знаю». Н.В.Гоголь

ГАЗЕТА



МЕТАЖУРНАЛ
ПОЭТОВ
И
ДЛЯ ПОЭТОВ



№ 12
2000

Константин Кедров

ДООС - стихозавр

«Костя, никого не слушайте,
делайте, что хотите»

И.Холин

Вместе с Холиным
умирает моя душа
О Холин
Хил он → ← но лих
я и нам мания

зем - Ля, замлей
зем - Ре, замри
Ре - Ля Ля - Ре
театр ЛаРе

Он не там
он весь здесь
но Зевс сед
он свет высь
но весть свы...
вы
И-горе Сергеевич
Схолин
Лох-Несский
монсТРанс
поэзии
эзопии
пирвовремячуменец
майор Мойры
первопроходимец
барачной тьмы
гармоноотвод
Ди-Вер-Сант - Холинбург
паломник лома
напалма лама
наПалама
неопалим
Паразит света
партизан гноя
Ной в ковчеге
ковчег в Ное
Воз-духо-плавательный бассейн
небес себе бе
крутит бес себя ебя

ХОЛИН

Бес снует беснуется
А Холин лихо
хилял
вихрем
и время ему не хер

"Главное - уловить время"

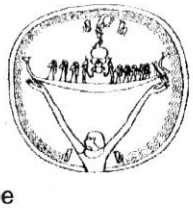
или увалить вепря

Холин входит в райский холл
Вдох и выход - райский хор
Голос Холина в раю
мать твою мать свою
Время жить и умирать
твою смерть и твою мать
Разбивает неба твердь
твою мать и твою смерть
Холин бездны на краю
Бездна Холина в раю

тру-лю-лю
и
тра-ля-ля
рай для Холина земля

Холину не нужен дверной проем
чтобы войти сюда
Холин - это время, а не объем
время везде всегда

Как шагающий экскаватор
шагнул железом гребя
споткнулся об голубой экватор
и вынырнул из себя в себя



Гоголь: "Мертвые души"

Холин: *"Мертвые Даши"*

Гоголь: "Мертвые души"

Холин: *"Мертвые душат"*

Гоголь: "Мертвые души"

Холин: *"Мертвые дышат"*

От редакции. Отвечаем на вопрос читателей, кто из авторов ПО входит в ДООС. Это поэты-стрекозавры Андрей Вознесенский и Генрих Сапгир, стихозавр Константин Кедров, доосозавр Вадим Рабинович, заумзавр Сергей Бирюков, Елена Кацюба, Алла Кессельман, а также художники Галина Мальцева, Андрей Бондаренко, Алена Мартынова, Владимир Опара. Кроме того есть друзья ДООСа поэты Игорь Холин, Алексей Хвостенко и прозаик Валерия Нарбикова.

Андрей Вознесенский
ДООС - стрекозавр

Стена плача

Владимир Опара (ДООС) «Возвращение блудного сына».

1
Так же жили - подмывшись,
намыкавшись.
Но божественное стряслось!
В старину не брили подмышки,
не стыдились нахлынувших слез.

Почему я неутомимо
приходил заветной порой,
где над ярусным Иерусалимом
плыл рассвет за Масличной горой?

Этот ветхозаветный камень,
старомоднее, чем Христос,
розовеющими пучками -
островками травы пророс.

И пока мы судьбу вымаливаем,
расцветают слезы громад -
между клумб вертикальных мальвы
ароматы свои струят.

Игнорировавши промышленность,
Стена Плача, смысл бытия,
нам, по-женски
дымясь подмышками,
раскрывает объятия.

2
Комнатушка моя - не
отель "Плаза".
Проживаю теперь в стене -
Стене Плача.

Взявши шапку напрокат,
птичьим писком,
как кредитку в банкомат,
сую записку.

Здесь не допекает гнус.
Слез не пряча,
лбом отчаянно уткнусь
в Стену Плача.

Это только для мужчин.
В отдаленьи
опускаюсь в глубь причин
машинного отделенья.

Ливень. Дача. Пастернак.
Срам и слава.
Руки к небу простирай,
Ярославна!

Ты, распятая страна,
муза, прачка,
моя пятая стена -
Стена Плача.

Не страшна стена угроз,
стена смеха.
Неприступна стена слез,
крепость эха.
И твой хлюпающий нос
среди меха.

Нету крыши. Дефицит
пенопласта.
Нас с тобою защитит
Стена Плача.

3
Измерь мою жаркую жизнь перстами.
Наощупь, как гусеница-землемер.
Что я сумел - пред тобой предстанет.
И что не успел.

Пока еще небо не стало мерить
креста измерительную щепоть -
наставь мое сердце прощать и верить,
Господь!

Владимир Вишневский

*

И брат мой Каин сдал меня братве...

Из дневника

*

...этих дней типажи - молодцы:
бороздя, покоряют просторы
интернетствующие юнцы
и таксистствующие сутенеры.

*

...гуманитарный - значит, катастрофа...

Критерий Истины-2000

Вся практика порочной оказалась!..

*

...Ты мне Родина, пусть и не мать,
ты моя УМОМНЕПОНЯТЬ,-
потому-то уже понятной,
ты предстала, уже объятной,
полигоном для МЧС...
Поле, минное Поле Чудес

*

Жить надо так, чтоб не сказали: «Помер».

*

Все, что мог, я от тебя скрывал -
так тебя я "не волновал".

Все утаивать боле не нужно.
Ничего уже не утаишь.
Мне осталось великое
ЛИШЬ -
мчать и предполагать малодушно,
что оттуда меня Ты хранишь.

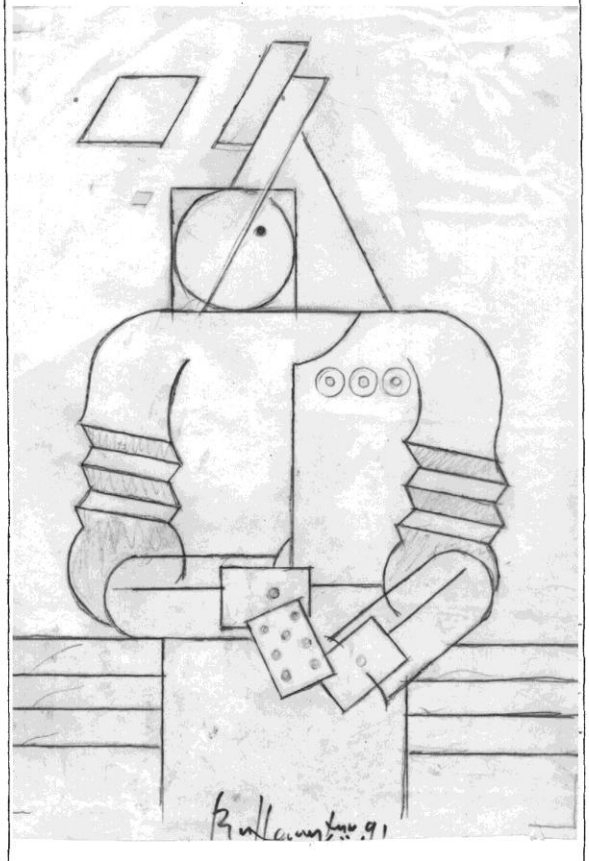
В вечном зеркале надо мною
тот июньский закат за спиною
от 13-го июня.
(...Мчу по трассе, а скоро заплачу.
Подмосковье, жара невпродых...
Все серьезные люди на дачах,
все нормальные люди в живых...)

*

...Я так, не в качестве совета,
а просто здесь вас повстречал:
не будьте жертвами, ведь это
не нравится и палачам.

Владимир Немухин

Валет - Казимир



1991 г.
Калька, карандаш

Из коллекции
Галины
Осецимской

2001-ый (Андреома)

...В режиме и для Андреича Андрея:
2001-ый год -
двадцать одно, "очко",
растянутое, как батарея.
2 0 0 1 - ый
вот

*

Да я пророк, но я же Сострадамус...

Генрих Сапгир

ДООС - стрекозавр

СЕРИАЛ

На пределе Откровенности и Честности
Оказался В неизвестной местности
Зыблется Меняется Ныряй в нее
Норка спасительная - Честное вранье

И в том Что таитянка Из Бангкока
А он - француз Аэропорт Разлука
Кубы и трубы Встретились Пейзаж -
Не сомневаюсь Даже если наш

Фильм Будущим своим Я не торгую
Но эта жизнь Как сочинишь другую!
Там на закат Машины - Как магнит
Универсальное Нас всех Переманит

Маньяк И бренди Видел что-то вроде
Как он ее Размазал по веранде
Жевать цветок Свой ломтик ветчины
На сериалы Мы обречены

ЛитературовИдение

Андрей Цуканов

Вот бы... я уже!

Очень многие стихи Генриха Сапгира мне нравятся, но некоторые вызывают восхищение, и среди них два текста, включенные в цикл "Дети в саду" (1988 г.). Все стихотворения этого цикла написаны в необычной технике - поэт намеренно не дописывает слова, как бы сопротивляясь их завершению, определенности, сковывающих его и читателя свободу. Свободный дух в своей полноте избегает завершенности, приводящей к обыденности, к скуке, к смерти. Сапгир прекрасно обыгрывает этот мотив в своей "Стрекозе":

я - не мух
я- халиф
мир и дух
восхвалив
в свете лу
полечу
по лучу
на восток
в Шамбалу -
в том саду
мой цветок
я найду -

но еще
я подум
стать ли мне
челове

Еще Парменид, давая определение введенному им понятию Бытия, в конце его добавил: *незаконченное*. Двадцать пять веков философы бьются над этим добавлением. Как же так, "единое, целое" и... незаконченное? Недописанность слов в текстах Сапгира помогает приблизиться к ответу на парменидовскую загадку Бытия. Ведь смысл этих стихов нам понятен, и мы без труда можем дописать в сознании недописанные поэтом слова, но... тут же нарушится созданная им гармония недосказанности, извечной вариативности - все станет ясно, скучно и тяжело. Все будет *закончено*. Ощущение Бытия, вечного и неизменного, но создающего возможности бесконечного варьирования жизни, сменится ощущением одновариантного и завершенного в своей ограниченности существования. Бытие не закончено, свою законченность, свой плюсквамперфект оно обретает в каждом индивидуальном человеческом существовании - от рождения до смерти. Этот-то плюсквамперфект Сапгир виртуозно заключил между двух строк другого стихотворения из того же цикла:

вот бы род на друг план
я уже дился на гой нете

вот бы им ин кар
я уже мею ную рму

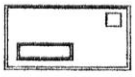
если бы взир ин глаз
я уже раю ными зами

на лю на жу на не на се
на дей на ков на бо на бя

Игорь Холин

Качка

Земля корабль
Здоровенный
Который плывет
По волнам
Вселенной
Кончается
Качка
Начинается
Спячка
Во время качки
Люди
Становятся на карачки
Во время спячки
Втягивают головы
В плечики
В перерыве
Человечки
Гуляют по ниве
Купаются
В морском заливе
Машут
Голубыми платочками
Обзаводятся
Сыновьями
И дочками
И снова качка
И снова спячка
И так
До бесконечности
Пока конечности
Не окаменеют
В вечности



Сергей Бирюков

ДООС - заумзавр
Германия

* * *

Где Вы Игорь Сергеевич Холин
в настоящее время
в каком месте
своей самой длинной поэмы
где И.С.Холин
кто оставлен вместо Вас
Пока вы мирно беседуете
с П или с Х
(примечание: П - Пушкин,
Х - Хлебников)
Игорь Сергеевич
у меня сейчас есть номер
телефона
позвоните иногда
оттуда
даже не знаю -
далеко это или близко
работает ли связь
я не могу произнести
это слово
У
я знаю что нет
пространства и времени
мер
есть за
и от
мер
мир
ХО - ЛИН

* * *

взглянуть в зеркало
и вдруг не увидеть
себя
лоб с волнистыми линиями
саркастическую усмешку
над самим собой
и слишком резкий взгляд
внутрь себя
в самом деле -

* * *

почти не
касась тела
войти в глубину плоти
и почти пропасть
раствориться
переплыть на ту сторону
океана
оставаясь здесь
находясь там

* * *

ЛИЦО
ИЛЦО
ЦОЛ
И

Июль 1999

Елена Кацюба
ДООС

МОРСКИЕ ПЧЁЛЫ

Где рокот волн у скал,
там шелест морских пчел

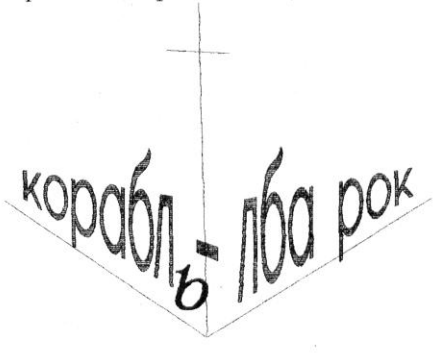
Вчера **П**чела
с чужого **Ч**ела
Ела
Лакомый мед -
Ам!- ума.
- Аум,- сказала
и вознеслась.

Бензин изначально подземен.
Он со свистом сдувает машины в ад.
Ветер моря имеет вес веры -
в нем пчелы морские жужжат.
Жатва Бога - шторм.
В каждой волне
в пенной чалме
усердный перс -
подставляет шею под серп
мечети - ночи.
Море молящихся мусульман,
неистовых в вере.
как море в буре.

Если **П Ч Е Л А**
у левого **П Л Е Ч А**
в **П Л А Ч Е** волн
П Е Ч А Л Ь

Пчелы морские
чрева мирские
медом горько-соленым заполнят до дна.
Луна -
ревнивый садовник
в пору цветения волн
с досадой глядит на пчел,
ныряющих в пене
пестиков и лепестков
неспокойных синих цветов.

Пчелиный корабль
из морского воска
кружится роем
жужжанья и плеска.
Парусный улей,
полный пенного меда,
манит из мертвых глубин
морского медведя.
Но пока он тянул язык-волну,
корабль килем вильнул
и завернул
за луну.
Где злым,
тяжелым,
невзрачным
на скалах приходит срок,
легко пролетает прозрачный
корабль - лба рок



Михаил Бузник

1. От реальности ее взгляда
тянется младенец
к воску
неземному.

Так запечатлено
неприкосновенное мгновение
ее красоты.

2. Мученики за веру
молятся и в ее
сердце.
Влекомо оно
лазурью слепящей.
Невозвратимо.

Об этом знают
осенние узлы печали -
изумленных листьев
молчащих ив.

3. Она стояла на мосту
Мирабо.

Словно волны моря
Афродиту - волны
света опознали ее.

Это была белизна
пределов покоя.

Неожиданность
горнего мира.

4, Зримое осязание мысли,
узревшей в ее сердце -
бесконечность тех светильников,
что странствиями ангелов
вершат.

5. Самая быстрая
из планет -
Меркурий.

Именно он обозначил
молниеносный миф
о ее красоте.

Сколько же теперь
работы у палачей!

6. Кочевое пространство
страха - гонит
семена гиацинтов -
к последней точке
скитаний.

Но вдруг озарены
они - душой
Елены.

7. На серебряном блюде
билась рыба...
Но никто не слышал
бегущее серебро -
ни музыка, ни роза, ни хвоя...

Причина бытия
заклинательна -
и тянется к ней
пространство, как
заживающая рана.

8. Сколько же в мире
паралельных текстов
о ее красоте...

Господи! Скрой ее лицо
от врагов моих.

Она родилась
восемнадцатого декабря.

В тот день была
единственная возможность
свести счеты с плачем.

Буря. Рисунок Галины Мальцевой (ДООС)

Валерия Нарбикова

Султан и отшельник

Фрагменты

Предисловие

Там рядом с автовокзалом есть рынок. Там я купила мужчину и женщину. Они были примерно одного возраста. Так сказал хозяин, который их продавал. Мужчина был повыше ростом. Женщина была в хорошей форме. Мужчина стоил немного дороже. Я заплатила. Хозяин рассказал мне, как с ними обращаться - сказал, что любит женщина, а что любит мужчина. Я купила для них корм, поблагодарила и уже собралась уходить. И вот тут-то меня привлек еще один экземпляр. Он был совсем другой породы. Именно этот экземпляр хозяин держал в стороне. Поэтому я даже сначала не обратила на него внимание. Нет, хозяин его не прятал. Этот экземпляр был мужчиной. С этого все и началось. Все. Я решила его тоже купить, этого мужчину. Хозяин был немного удивлен такому моему желанию. Он сказал, что этот экземпляр требует совершенно особого ухода. Что он должен быть вдали от той пары, которую я только что выбрала. Хозяин назвал сумму. Этот экземпляр перешел ко мне. Этот порыв - владеть еще одним экземпляром совершенно другой породы, как потом оказалось - имел самое непосредственное отношение ко всем событиям, которые впоследствии случились.

Диктант

I. Следы.

"Что-то должно случиться".

В чистом виде февраль. Шесть часов утра, а такая темнотища. В небе ни проблеска, ни звезды, ни луны. А ведь это Москва - не деревенька, ни полей, ни лесов, ни тебе - ни мне. Горят фонари дневного света, и свет режет глаза, может потому такая темнотища.

Давно он в такой час не выходил на улицу - в шесть. А до него еще никто не выходил из подъезда. Лежал нетронутый снег. Никто не наследил. "Следы", - подумал он, - я оставляю следы. Он даже подумал, как его следы аккуратно подцепят лопаткой, привезут, куда надо, и там заморозят, а потом будут ковыряться в его следах. "А может, просто не выспался?" По имени, Серафим, а по фамилии, Чутьев, отличался врожденной грамотностью. Откуда-то он знал, как пишется любое слово по-русски. Например. в пять лет он узнал, что есть корова, и он совершенно правильно написал: **корова**. А в семь лет услышал слово - энергичный, это было совсем новое для него слово, он сел и написал - **энергичный** - без одной ошибки. До одиннадцати лет он вызывал интерес своей прямо-таки фантастической грамотностью. Но уже в двенадцать лет, - почти нет. А тем более ему уже исполнилось тринадцать, и это было мало кому интересно, подумаешь, пишет человек без ошибок. Школу люди закончили, институты, университеты, все грамотные, но кому может быть интересно, что корова пишется через "о". Казалось бы, он мог преподавать русский язык, но оказалось, что ни одного правила он толком не знал. Он просто знал, как пишется, а почему именно так пишется, он и не учил, и не знал. Он безошибочно писал тексты с медицинскими и техническими терминами, ему иногда неплохо платили за срочную работу, но потом подобной работы становилось все меньше и меньше. Кроме того, во-первых, он был ленив. А потом у него была любимая жена - Мария Федоровна Гульгуль. Она была младше его на пять лет, и они так пристрастились валяться по утрам в постели и жить почти без денег, и так неохота было вылезать из дома и тащиться из-за какой-то срочной работы и оставлять любимую, так что вылазки становились все реже и реже. В конце концов он уже ходил, как на охоту. Добьет где-нибудь ошибки, принесет домой трофей, и они заживут. Потом опять кто-нибудь наляпает ошибок, он опять их прикончит.

И вот оказался разгар зимы. Сидеть бы дома и не вылезать, даже носа не показывать, а сидеть в тепле с Гульгуль. Но вдруг подвернулась работа, которая, казалось, совсем не требовала особого труда.

...Он - Султан бесшумно вошел в комнату. Он дотронулся до плеча Серафима, и Серафим не вздрогнул. Не испугался, но поскольку он сидел на стуле, а Султан стоял у него за спиной, Серафим посмотрел на Султана снизу вверх.

Улыбка у Султана была прелестна, как у восточной девушки. В ней было что-то одновременно и дикое, и стыдливое, но когда он улыбнулся еще шире, улыбка сделалась не такой уж стыдливой, а скорее вызывающей, а когда он засмеялся, что-то такое проделал языком, как ящерица, как будто поймал мошку, то неожиданно для себя Серафим встал, отошел в сторону и нахмурился. Но когда он опять взглянул на Султана, тот улыбался так кротко, а глаза его были потуплены. Серафим тоже улыбнулся, и улыбка у

него была дурацкая, как у младенца, который радуется предмету, который видит впервые, потому что совсем не понимает назначение этого предмета. Султан протянул Серафиму руку и сказал: "Султан". Говорил он, кстати, с обычным восточным акцентом. Серафим пожал эту маленькую холеную ручку, которая утонула в его лапе. И если бы Серафим покрепче сжал ее, то ручка бы хрустнула. Но ему сейчас и не пришло в голову - хрустеть этой ручкой.

- познакомьтесь, - сказал Султан, - это мой помощник, товарищ Т.

..Немногословный тов.Т сказал вот что: "ваши способности нам известны, я буду диктовать, вы записывать, начнем работать."

Начали.

Сначала тов.Т прохаживался по комнате. И у него под ногами скрипели доски. В одной половине незаклеенного окна стояла зима, там были на стекле морозные хвостики от снежинок - совсем не так, как снег. "Александр Павлович Сучкин", - сказал тов.Т. И Серафим так и написал, как продиктовал тов.Т.

"он вот что решил сделать, этот Сучкин Александр Павлович - решил отправиться в мир иной. Но каким образом?"

И тов.Т опять стал ходить по комнате. Остановился у окна, пощипал бумагу, которая закрывала половину окна, сорвал кусочек бумаги, скатал шарик и пульнул им в угол. Александр Павлович Сучкин захотел быть убитым.

- он захотел, чтобы его убили? - спросил Серафим.

- он, конечно. захотел, - сказал тов.Т. - то есть не хотел сам себя убивать, но чтобы это кто-нибудь взял на себя. Взял бы его да и убил.

- что бы вы сделали на его месте? - спросил тов.Т.

- ну я бы...- сказал Серафим, - я бы, наверное... я бы...

- вот и я тоже я бы...

- а он? - спросил Серафим.

- Александр Павлович Сучкин нашел человека, которому предложил себя убить. Но при одном условии - Александр Павлович Сучкин не должен знать, в какой именно час, где и когда он будет убит. Чтобы киллер гонялся за ним, как самая настоящая смерть, а он бы убегал от нее. И в какой-нибудь миг смерть бы настигла его.

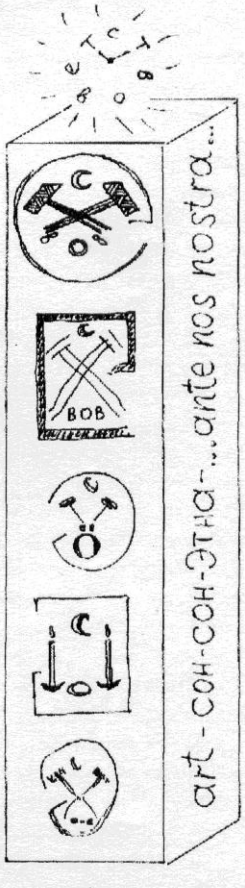
Началась охота.

В первый же день Александр Павлович спрятался - просидел дома, выключив телефон. На следующий день он тоже скрывался - плотно занавесил шторы у себя дома. С опаской входил на улицу, а в последний день не выходил совсем. Он решил, что несколько дней роли не играют - всегда успеет умереть. Он все время чувствовал присутствие киллера. И даже назначил себе срок - пусть он погибнет в день защитников отечества - 23 февраля в "день советской армии". В то утро он побрился, надел чистую рубашку, выпил рюмку коньяка, выкурил сигарету, словом, совершенно был готов к смерти. Открыл шторы и разгуливал у окна. Но ничего не происходило. Он вышел на улицу, уверенный, что за ним следят. Доехал до станции метро "Тверская" и Петровским бульваром пошел к Цветному бульвару. Было даже не морозно, а скорее ветрено и промозгло. Около пяти вечера. На бульваре попадались люди, город был вполне оживлен. Он пересек Цветной бульвар, нашел маленький дворик, как кубик с открытой крышкой в небо. Дворик был пустой, стояла скамейка и несколько деревянных бочек. Одно строение было нежилым, там в темноте разгуливал ветер. Александр Павлович прислонился к бочке и подождал смерти. Но смерть за ним не шла.

Александр Федулов
Тамбов

ЭТАПЫЭТА

ДЕТСТВО



"Pereat, qui ante nos nostra dixe-runt!"
(Да погибнут те, кто раньше нас сказал то, что говорим мы!)

Лилия Газизова
Казань

Поэма о беременности

1.

Долгие две трети года
Мы с тобой в пути,
Но октябрьской непогоды
Нам не перейти.

Говорят, что стал печальней,
Отрешенней вид.
Просто встреча-расставанье
Мне с тобой грозит.

Но пока вдвоем с тобою
Мы еще одно,
Малым счастливы — листвою,
Что глядит в окно.

Угасающим цветеньем
Осени шальной,
Нашим временным сплетеньем
В кроне мировой.

2.

Сонным взглядом слежу,
Как с живота съезжает
Томик Бродского,
Открытый на странице
тридцать восемь
Еще август

3.

Мой живот — слепое сердце.

4.

Мечта беременных земли
Безлика в простоте.
Мечта беременных земли —
поспать на животе.

5.

Когда бессонница ославит хватку,
К рассвету уступив мне кончик сна,
Грядущее — тревожная загадка,
Гемоглобин хотя бы больше ста,

И старший хулиганистый ребенок
Красив, здоров, упитанный вполне,
А младший не толкается спросонок,
Мной сладко убаюканный во мне,

Когда устав от ожиданья, плачу,
Мне ясно открывается тогда,
Как много я для будущего значу.
Бессонница. Беременность. Среда.

6.

Не спится, не думается, не пишется,
Словно я на привязи у вечности.

7.

Я беременна и для того,
Чтобы ночью выпал снег
И все его увидели.

8.

Надвое делюсь, покорна
Сути очага,
Удивленная повторной
Смелости слегка.

И слабею интеллектом
в пользу бытия,
Отдаю себя инстинкту
Вида без нытья.

Прибавляю гордо в весе.
Берегу живот.
Часто кто-то в поднебесье
Надо мной поет.

Только чудится такое...
Скоро выйдет срок
Слышать пенье неземное
И смотреть, как Бог.

Скоро истина зайдется
Плачем дорогим.
Мир невольно улыбнется
Странникам двоим.

Александр Еременко

Снайпер

Глаза слезятся,
а руки делают.

* * *

"Пришел - детдом, приют
и даже не боялся,
когда везли в народный суд, -
немного волновался.
Чего нам врут - народный суд?
Народу я не видел".

Чего нам врут,
что это пруд!
Запруды я не видел!

* * *

В углу заплачет мать-старушка,
слезу с усов смахнет отец,
и дорогая не узнает...
причинно-следственную связь.

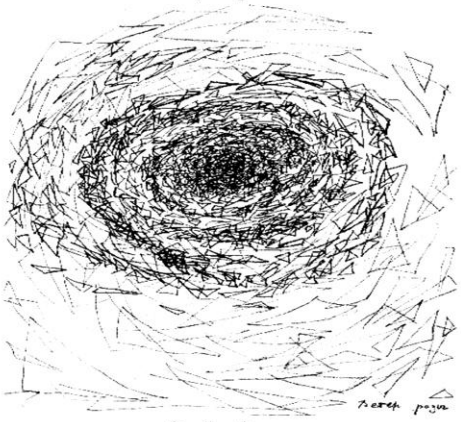
* * *

- Ты ужинал?
- Я ужинал. А ты?
- Я ужинал.
- А как тебе капуста?
- Щи оставляют чувство пустоты.
- Не густо.

Алла Кессельман

ДООС

Ветер розы



* * *

Боги играют в шахматы из облаков
Это - НЕБО

Сфинксы играют в шахматы из песка
Это - ВРЕМЯ

Шахматы играют друг в друга
Это - ЛЮДИ

Слезы играют в шахматы на щеке
тающими ходами

А когда исчерпаны все варианты
и фигурки осыпались в темноту
остается доска, играющая в себя -
ДЕНЬ - НОЧЬ

Вилли Мельников

Специально для ПО

Верлибр на айнском языке

Если приснишься себе нерастрескавшейся землею, - постарайся своим пробужденьем не растопить обезболивающий инъекцию яви снег.
Если на твоем небе трудно заживают солнечные ссадины, - не торопись выплескивать на них сразу весь лунный эликсир.
Если центр необитаемой тобою планеты пожелает сделаться ее поверхностью, чтобы отзеркаливать твой недовзгляд, - вспомни, что мое возжидание тебя зыбко, как канун забытого праздника, как каноном забитый апокриф.
И ты ставишь замочные скважины раньше замков, и вместо ключей в них приходится проворачивать умозаключения.

Борис Лежен
Франция

ВЕСЫ

фрагменты

I

Осенние листья
парят в ослепительно белом
свете
между прожилок
синеющих вен
над мягко входящем телом

губы упруго
шепчут волнами но
сорвавшись с высот
падают крылья
плоско в песок
новые часы он надел на правую руку Они показывали тот же час что и прежние на левом запястье Поначалу их ход отличался секундами Минутами с ушедшими днями Тогда мы увидели себя осью весов Раскинув руки с тарелками песка Неравно

Свет
серебра
струится через
края ваз
песок тонкий
сыпется с рук
в пустоту раковин

Полет

он перевел стрелки ручных часов справа на два часа Город был на востоке Солнце всходит раньше У него стало так больше места между

Ле: на встречу спеша я остановил дерево кажется осину попросил довести до Высотного дома Сто рублей - сказало дерево Это много - ответил Нездешний Сколько дадите - спросило дерево Скажем десять Тогда пойдем

О Дерево поворот был неточен Мы перед библиотекой Иностранных Историй Высотное здание похоже на ферму Или оно как корабль плывущий стоймя к далекой горе Внутри перекрытия старого дерева Внутри медленно растет женщина пронзая острием ветви мужчину на том же стволе Растет сцена любви ступнями в коре Нездешний - заметило дерево Вас восхищает быстрота появления смерти Радуйтесь - одушевление жизни почти без движения В одушевлении жизни нет перемен

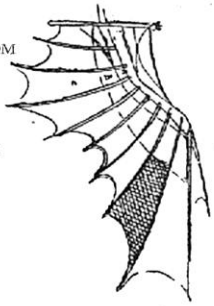


Рисунок крыла "птицелета" Леонардо

II

Возращения

Самолет шел на посадку Витраж уложенный на землю селений среди полей и городских предместий стремительно вздымается перед нами Тогда в одном из проносящихся облаков узнали грузную фигуру Си. Равновесно ладит он из перистых облачков одно крыло Примеряет к плечу

Ле: Ты тот же я вспоминаю Немного прозрачен и сумрачна тень на челе Воздух здесь легок и чист

Си: Это крыло возьми Легче делить одно чем выбрать из многих Его рот был сжат скорбно Устремлен далеко взгляд Наши мысли неслись быстро в такт ветру

Сеть

Зная приметы тайные знаки любой фазы перемены погоды Решив проблему Спинозы - по чьей воле срываются с гор камни Горожане сплели чудную электромеханическую сеть Даже пламя свечи отраженное серебряной вазой попадет в сачок экранов Мерцают переливаясь в квартирах кафе магазинах Повсюду Лунной ночью мы пролетали над ловцом и ловушкой Невозможных желаний Опаздавшего чуда Опасных утопий Зова любви безнадежной Далеких молитв

Си.: Но в апогее триумфа полной славы изобретенья симптомов нового недуга заметны Горожане молодых и средних лет перестали во сне своими глазами глядеть Острое ощущение возникло что их место занято чем попало - воробьем паспортисткой петушиным криком дверным скрипом Утром уставшие люди пугались вовсе Врачи беспомощно разводили руками Случайно кто-то после месячных проб нашел панацею простую Перед сном спеть детской песенки легкий куплет

Радуйтесь стрекоза
Радуйтесь лоза
Радуйтесь силлабы
Радуйтесь крабы
Радуйтесь буква “А”
Радуйтесь рога
рога

Егор Радов

Бескрайняя плоть

Роман в стихах

"У всех, кто страдая какой-то частью тела, не чувствует совсем страдания, у тех болен ум".
Гиппократ.

Фрагменты

Захар Захарович очнулся и ощутил, что межпланетный лайнер, кажется. больше никуда не летит, а стоит, буквально не шелохнувшись, на некоей твердой поверхности, очевидно, прибыв туда, куда он изначально и направлялся...

- Приветствую вас дорогие господа!.. - вдруг вторгся бодрый голос стюарда в ужас зудовской реальности.- Итак, наш великолепный звездолет "Огурчик" фирмы "Ту-ту" произвел посадку на Луне в русском лунном поселении Нижнелунск, совсем, как мы вам и обещали!... С мягкой посадкой вас. путешественники к Иным Мирам! Оставайтесь пока на своих местах, потом мы вас пригласим к выходу, где вас ждет проверка ваших документов, идентификация личностей и прочая характерная штукотень, необходимая, когда прибываешь в новую страну, а уж тем более на новую планету! Честь имею! Ждите дальнейших объявлений.

....Перед Зудовым открылся небольшой проход, куда еле-еле могло пролезть человеческое существо, но поскольку больше никаких путей не предвиделось, он, кряхтя, влез в этот узкий, крайне неудобный вход и шумно вздохнул.

И тут же оказался в маленькой комнатке, более напоминающей бункер, в центре которой стоял массивный белый стол с огромным количеством бумаг, а за ним восседал толстый человек, одетый во все желтое; на его голове даже был надет желтый котелок.

- Присаживайтесь. Фамилия, имя, отчество.

Зудов сел на трехногий желтый табурет и, неожиданно для самого себя, произнес:

- Зудик Зиновий Зурабович.

- Ой ли! - лукаво проговорил человек в желтом.- А разве не Зинаида Захаровна?

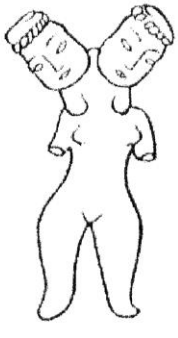
- Вы что это!..- возмутился Зудов.- Я... в некотором отношении... мужчина... Даже не транссексуал, не педераст...

- Вот именно, что в некотором отношении, - улыбнулся желтый тип.- Но это до поры до времени.

- То есть... как?!..

- А вот так. Идите-ка сюда. За мной.

Он встал, прошел вперед. Зудов машинально проследовал за ним.



В другом конце комнатки оказался выход, еще более небольшой, чем вход. Там виднелась непролазная, пугающая темень.

- Сюда?..- опасливо спросил Зудов.

- Сюда, сюда. Не бойтесь; сделайте шаг.

- Ну, раз уж вы так просите...

З.З. изнатужился и втиснулся в этот донельзя узкий проход. Было мучительно темно; под ногами он ощутил сухую почву.

- Ну как вы себя ощущаете теперь, Зинаида Захаровна?

- Да как вы смеете! - возмущенно воскликнул Зудов.

И тут к своему стыду и полнейшей своей ошарашенности он обнаружил у себя под горлом, там, где ей и следовало быть, наихарактернейшую женскую грудь. Пугливо сунув руку в штаны. он нашел там...Нет, это просто бред какой-то!

- Но... как это?!.. Что же это?!..

Зудову бешено захотелось плакать, или смеяться, или прыгать, или просто задушить этого желтого гада, но на самом деле он был настолько обескуражен, что просто стоял, будто вдруг оживленный столб, которому неожиданно дали душу, дух и самоосознание, и который абсолютно не знает, что ему со всем этим делать - так, наверное. чувствует себя квадрат, невесть каким образом превращенный в куб, или шар, вдруг постигший четвертое измерение.

- вы просто вступили на лунный грунт, - объяснял желтый мерзопакостник.- Не волнуйтесь, это действует на всех. Это же - Луна, это ее причуды. Каждый ступающий на лунный грунт, меняет пол...

- Но... Вы могли бы меня предупредить! Вы...

- А что бы от этого изменилось? Не волнуйтесь, это не навсегда. Так, на какое-то время. Потом, правда, возможны рецидивы... Поэтому мы все здесь ищем третий пол. Тот, кто его найдет, станет Высшим Существом. Может быть, это будете вы, Зина Захаровна...

- Не называйте меня так!! - огрызнулся Зудов....

- Садитесь, Зэ-Зэ. Нам есть о чем поговорить. Я вам кое-что расскажу, как новоприбывшему. Но вообще, тут - каждый за себя.

- Каждый за себя,- эхом раздался тоненький голосок стюардессы, лишенный любой эмоциональной окрашенности....

- К дьяволу! - крикнул Зудов. Ко всем, маленьким и нежным чертям! Рассказывайте все, что вы можете мне рассказать. Все равно, каждый за себя.

- Вот это и есть единственная правда этого... если так можно выразиться... мироздания. Точнее даже так: у каждого свой Путь. Присаживайтесь, времени у нас нет. Точнее, его хоть отбавляй.

- Да уж, да, - мрачно сказал Зудов, продолжая пощипывать себя за сиськи, к своему неожиданному изумлению гордо подумав, что они у него - молодые, красивые и ядреные, и что ему как раз пригодятся нагло навязанные ему на Земле некоей девушкой прокладки.

"Какая же все-таки это гнусь - быть бабой",- решил он и мрачно уселся на желтый трехногий табурет, тут же ощутив налитую ширь своих женских ягодиц.

Зудов вышел из звездолета, захлопнув за собой дверь, и напрвился вперед. Его руки трепетали, его соски набухали, промежность мягко терла прокладка "Хронос". Кажется, он сам засунул ее туда, в трусы. И он подтянул штаны, пристальным взором оглядев раскинувшийся перед ним мир.

- Я - прокладистый человее-ек!.. - запел он, гордо всматриваясь вдаль. У меня в трусах лежит такая... штуу-укаааа!!!..

Окружающее беззвучно застыло вокруг, сияя и блистая, как радуга или петушиный хвост. Повсюду цвела Луна, выпирающая из собственного грунта своими цирками и холмиками; пыль слегка дыбилась под ступающими по ней туфлями З.З., зависая над лунной поверхностью и слегка высвечиваясь в голубоватом свете Земли; большая равнина была прямо впереди и оканчивалась горизонтом ярко-желтых гор, причудливо отделяющих звездное небо, длящееся в вышину, от огромной безумной планетной пустоши; и все краски реальности были словно растворены и как-то слегка оглушены в гулкой насыщенности явленного здесь беспредельно пустого и чудесного величия; а вакуум существовал везде, как некий внутренний огонь

1998

Лидия Григорьева
Великобритания

Колядки Уэльса

Уильяму Брауну - живописцу

Придет серенький волчок
и ухватит за бочок...
Русская колыбельная

розовый медведь
это белый
полярный медведь
на закатной заре

прозрачный и призрачный
гость

сердце медведя
лучистый цветной леденец
стеклянно мерцающий
сквозь

зеленые волки
с оранжевой холкой
детский сон
на рассветной заре

колыбельная
сжатая в горсть

ночные колядки Уэльса -
человек превращается
в лошадь

откуда все это взялось?
в новогоднюю ночь
еле слышно скрипит
и вращается
лунная ось

волк с волчихой
к теплу пробираются
вчуже
поврозь

а человек с человечихой
это видно в окно
если вместе
то разве не лось?

лось...лось...

13 января 1999 года
Лондон

Алина Витухновская

Стихи дурного вкуса

Я есть проекция чужих
реакций, умозаключений.
Мне придающие значенье,
поставьте вместо цифры "икс".

Я замечаю за собой
небывших тел живые тени.
Через железное движенье
меня протянет постовой.

Меня разложит постовой
с цинизмом злого постмодерна.
Хохочет молодой бездельник
и бездну держит подо мной.

Пять мертвецов из кабака
выходят в ожиданье чуда.
Однако ничего не будет.
Я знаю, что наверняка

ни через смерть, ни через жизнь
ни воплотиться, ни распасться.
Я есть возможность комбинаций
всех истин, сложенных из лжи.

И только истины одной
мне не перестать страшиться
я опасаюсь ошибиться
в себе, не будучи собой.

Тимм Ульрихс
Германия

образобразобразобразобразобразобраз
образобразобразобразобразобразобраз
образобразобразобразобразобразобраз
образ
образ
образобразобразобразобраз образ
образобразобразобразобраз образ
образобразобразобразобраз образ
образ образ образ
образ образ образ
образ образ образ
образ забор образ образ
образ образобразобраз образ
образ образобразобраз образ
образ образобразобраз образ
образ образ
образ образ
образ образ
образобразобразобразобразобразобраз
образобразобразобразобразобразобраз
образобразобразобразобразобразобраз

Перегородил образ в забор по-русски Анатолий Кудрявицкий

Битву запечатлел Владимир Опара (ДООС)

Борис Викторов

Нашествие медуз

Накрылся отпуск долгожданный,
пикируют аэропланы,
отсутствует козырный туз,
грядет нашествие медуз.

Кто нечисть вызволил из плена?
Остановись, кругом измена,
месть полоумного хрыча,
плевок, морская саранча.

Повсюду ведра с кукурузой,
а это - лакомство медузы
вокруг матрацев на песке.
Горгоны, млеющей в тоске

Глядит в упор из преисподней,
о, ненасытная, сегодня
любой початок твой, бери!
Что зенки вылупила? Жри.

Твои слова: "Неисполнимых
желаний нет, как денег мнимых,
все гениальное старо,
как запотевшее ведро!"

Но не понять тебе сиротства
людей, бегущих первородства;
нам бедность душу извела...
Соли и лопай из ведра.

Медузы движутся лавиной,
покрыли жгучей клейковиной
причал. деревья и шоссе,
ползут по взлетной полосе,

не остановишь из обреза,
и расползается железо -
бетонный занавес желе-
образной массой по земле,

распались дружеские узы
(и в небе авиамедузы
штурмуют авиасалон.
Алаверды!
Привет
Шалом!)

Спиртовым пламенем объятый,
Персей саперною лопатой
в толпе прокладывает путь...
Никто не выживет...
И пусть!

Георгий Балл

Не дошли еще мы до кончины века,
уважаемая моя собака.
Почему же нас обратно тянет
в нашу молодость, где мы гремели цепью?

Евгений Рейн

Фрагменты и финал

...Банька не особо большая. Деревянная. Каменка. Как полагается по еврейскому обычаю, вернее, по русскому... Это понятное дело - и так сказать, и этак... Да ты сам приезжай. Хочешь на такси или левака подцепишь... А хочешь по Интернету. Милое дело. Что-то я один как-то не могу толкнуться в нужную дверь, то ли солнце не с той стороны светит, то ли тучи, то ли ветер. то ли месяц не с той стороны изогнулся. Или жара в душе, или соль на губах. Или шмах. Или трах. И дадим под зад всякой нечисти на поро на поро на самом поро на самомо поро-ге веч-нос-ти.

И когда мы открыли дверь предбанника,очки Оскара сразу запотели. Он вытащил платок и стал протирать стекла. Подслеповато смотрел.

Бульканье воды
Бульканье воды
Бульканье воды

И пар. И жар. Где они? Может, у сатаны? А где черти? Девичий писк. И смех. И мохнатый грех. А где наши голубчики? Щупаем пар. Щупаем девичий крик. А он выскальзывает. Руками не удержать. Как обмылок с крылышками, летит вверх. И еще громче смех. Девичий шлепок. Кто-то смазал мне по моей мокрой голове.

- Оскар! Оскар!...

Вот эта баня, сразу и парная... По-русски... По-еврейски... По всякому. По каковски?... Вон они, на полатях. И девицы над ними вьются... С вениками березовыми.

...

Шмяк
Шмяк
Шмяк
И пемзой И мочалкой И трут от души
От всей души
От прошлых снегов
От загаров и шлепков
И всех пере-па-ка-ка-костей

...

От по-по - целуев И-у-у-д-и-и-и-и-и-ных...
Очистить
Очистить
Очистить
Душу Игоря
Душу Генриха
До молодости
до разгульяйности

...

Голос главного банщика: Положить! К электросети подключить, чтоб энергия Генриха освещала Аляску и Курилы! ...

А мы с Оскаром смотрим, как наши ребята парятся. Никогда они в жизни ничего не боялись. А НИЧТО и НЕЧТО для них родной дом
всегда вверх дном.....

Голос раввина: Это кто тут лежит? Какой из них еврей? Тот, длинный... Меня прислали из Самого... девочки, перестаньте порхать... Мне мешают веники. Я, как раввин, по обряду... Видите, на мне кипа (Показывает на свою голову)

Голос главного банщика: Да, в бане парятся в шапках

Голос Холина:

Прислушайся
Друг
Земля - звук
Вода - звук
Наша жизнь - звук

Девочки, не переставая хлестать вениками, кричат.
В жару, в пару, не разобрать, кто есть кто.

С достоинством, медленно ступая, входит господин, лишенный недостатка седых волос на голове и с широкой седой окладистой бородой, с тросточкой-зонтиком в руке.

Голос господина: ... Я как председатель Северо-печерской Академии Наук заявляю нижеследующее: Поскольку Г.Сапгир и И.Холин добились выдающегося результата в области взглядов и мысли, их умственный взор проникает за пределы другой стороны мышления, что уподобить можно видению иной стороны луны, то их избирают действительными членами Академии и вручаются медали.....

Голос главного банщика: - Медали на член не вешать. Посторонись! Идет народ.
Входят с шайками восемь голых парней и восемь голых девок, без шаек, но с кокошниками на головах. Степенно рассаживаются на скамейки. Парни по одну сторону, а девки по другую лавку, напротив. Парни переворачивают шайки, бьют по шайкам ладонями. Дружно басом вступают:
- Ты давай, давай, не задерживай давай
Девки им так же дружно отвечают:
- Я даю, даю, не задерживаю...
Под голос народа Генрих и Игорь, оттертые девицами до юношеской молодости, распаренные, поднимаются над полатями. Жар и пар раскрывают крышу бани
Девицы кричат, парни шайками стучат, девки воют, стонут, намекают: я даю даю не задерживаю. Перекрывая общий гвалт,

Голос главного банщика (возвещает)
- Теперь их не то что рукой, а мохнатой вашей мочалкой не подцепишь

Голос Холина:
Вы слышите звуки
Разлуки
Холин
С вами прощается
Холин
Кончается
Впрочем
Кто его знает
Всякое с ним бывает
Может он
Не кончается
Может он
Оживает

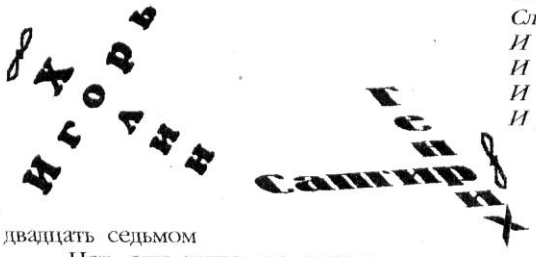
Голос Сапгира:

Что вы? О чем говорить?
Оставьте меня пожалуйста
Я уже т а м
Где т а м?
Здесь
Где з д е с ь?
Т а м

Мы с Оскаром выходим из бани совершенно мокрые и нам не надо было видеть их молодыми ведь мы всегда их видели такими когда они когда мы все и те что не те и те что те и эти и другие еще те что придут и потом как все те что придут и уйдут и пусть все знают и зачем утирать то что мокро на лице от пара и все было бы ничего если было бы ножно "Бессмертие - какая ерунда! Нет выбора, вернее, нет ответа," - сказал Сапгир и мы ему поверим...
Да они не много не дотянули до дня ***X*** вернее до дня XXI века когда начнут палить кричать стрелять и фейерверки - салюты в честь уходящего века а поэты чей голос окружала многослойная немота но теперь отмыты в бани прошлые года и помолодевшие их души поднялись..

Голос Холина:
Да будет вам
Известно
Тень Холина
Не пустое место

Голос Сапгира:
Т-сс
Слышите
И еще
И это
И там
И далеко-далеко



Смотри, Оскар,
там на седьмом
Нет, на двадцать седьмом
Нет, еще выше два имени:

Вячеслав Мешков

Из истории поэзии

Сон

Кунст-камера

Помню, сидим как-то в серой каптерке, в Марьиной роще: Лев Толстой, я, А.Н.Толстой и почему-то Вен.Каверин, выпиваем (Холина пока нет). На каком-то этапе я предлагаю (очевидно, Каверину) встать и почтить двух графов. Графы тут же руками замахали, особенно Лев Николаевич: "Оставьте! Сидите, сидите!.." И тут ни к селу, ни к городу вроде бы Евтушенко декламирует:

"Эти широкие бедра гваздали
столько раз ночные гораздычи
годов рождения с 1912-го
по 1949-ый", -

наверное, из неопубликованного. Во всяком случае, ни в одном сборнике Евтушенко таких строчек нет. .Я оборачиваюсь и никакого Евтушенко не вижу, а вижу Холина. Он стоит продолговатым, как огурец, лицом к нам (в очках), разглядывает картину на подрамнике. Е.Кропивницкого? Л.Кропивницкого? О.Рабина?.. (Нам ее не видно, она к нам задней стороной).

- Я бы, - говорит Холин,- здесь еще птиц нарукоплескал...

Так в октябре 1994 г. Холин мне приснился, а 21 октября - через несколько дней - на поэтическом вечере журнала "Арион" я увидел его впервые и с ним познакомился. А еще через пять дней в его квартире в Ананьевском переулке угощался чаем с крыжовенным вареньем.

Знакомством с Холиным я был счастлив не потому даже, что он был гениальный поэт, а потому, что был он создателем барачного эпоса. Он ликвидировал вопиющую несправедливость: ведь если свои эпосы имеют народности, насчитывающие тысячу-две человек, то, конечно же, право на эпос имеют миллионы людей, живших в советское время в бараках. Я был жителем барака от рождения до 1961 г., когда нас переселили в коммуналку. Свидетельствую: у Холина - все правда. Но мало того, поражает способность этого поэта выразить в нескольких строках всю человеческую судьбу - единственную и неповторимую:

Умерла в бараке 47 лет.
Детей нет.
Работала в мужском туалете...
Для чего жила на свете?

Маяковскому понадобилось ехать во Францию, чтобы убедить нас в том, что "очень трудно в Париже женщине, если она не продается, а служит". Оказывается, чтобы пожалеть женщину, не нужно ездить так далеко.
Мне он подарил две рубашки: одну поношенную, со своего узкого плеча, другую - новую, в фабричной целлофановой упаковке: "Берите, я их все равно не буду носить!" Но самое дорогое для меня - это два экземпляра его книжки "Жители барака" с дарственными надписями. Почему - две? Первую он дал мне в обмен на мое "Открыте Москвы". Затем, когда в издательстве готовилась моя "Москва вековечная", я отнес туда кипу книг для иллюстраций, в том числе и "Жителей барака" с рисунками Виктора Пивоварова. А когда пришел книги забирать, ее не смогли найти. Я был убит горем: "Игорь Сергеевич, у меня вашу книгу слямзили!" - "Ну ничего, приезжайте, я вам еще дам". А через несколько месяцев и первая нашлась.

18.VII.99

Метажурнал "Газета ПОэзия" № 12, 2000

Учредитель группа ДООС (Добровольное Общество Охраны Стрекоз)

при участии всемирной Ассоциации писателей (Русский Пен-клуб) и ФИПА - Международной ассоциации поэтических обществ (ЮНЕСКО).

Гланый редактор
доктор философских наук Константин Кедров

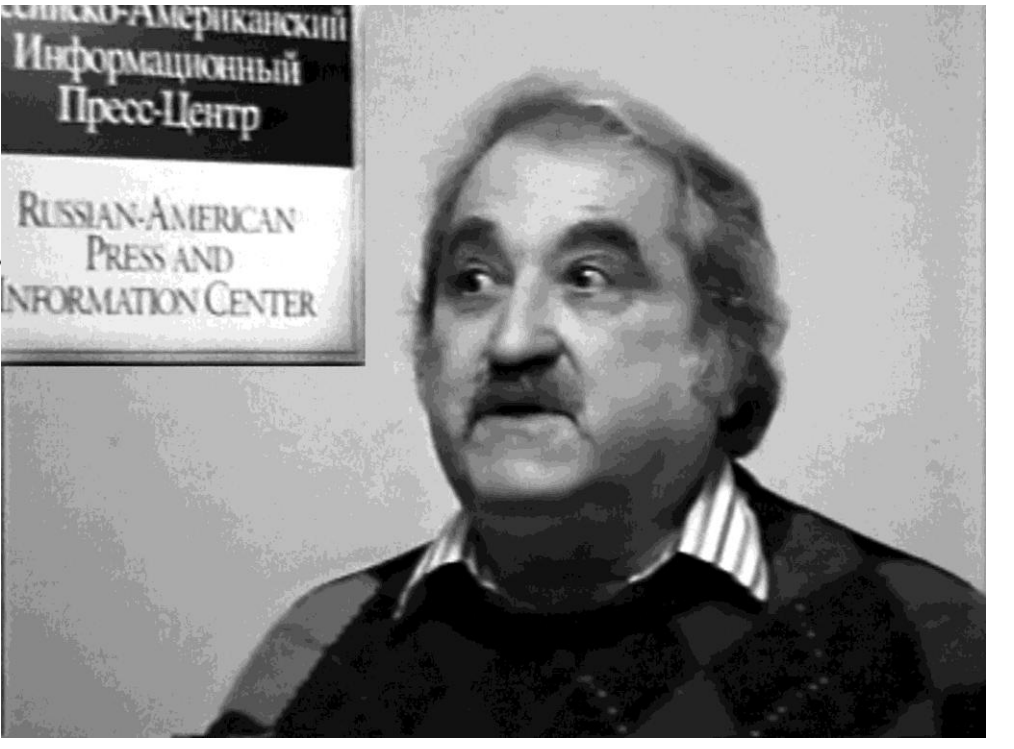
Редакционный совет:
С.Бирюков (Германия), профессор В.Вестстейн (Нидерланды), А.Витухновская, Е.Кацюба (отв.секретарь), А.Кудрявицкий, профессор Т.Латауэрс (Нидерланды), Б.Лежен (Франция), В.Рабинович (профессор кафедры Философской антропологии МГУ), В.Нарбикова, А.Ткаченко (ген.секретарь Русского Пен-клуба).

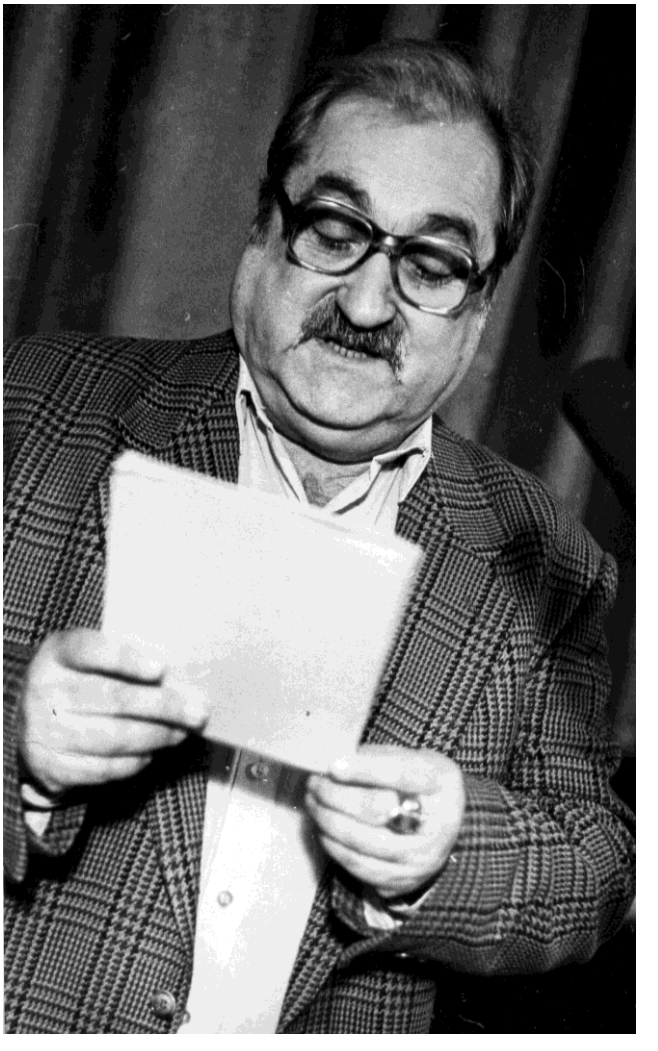
Логотип: Михаил Молочников.
Макет и оформление: Елена Кацюба.
Эмблема ДООС выполнена Сергеем Бордачевым

Игорь Холин
на презентации
«Газеты ПОэзия»
№ 1 в Русско-
Американском
Информационном
Пресс-Центре
1995 г.

Игорь Холин читает поэму «Умер земной шар» в салоне «Классики XXI века» Чеховского культурного центра, 1994 г.

Генрих Сапгир
на презентации
«Газеты ПОэзия»
№ 1 в Русско-
Американском
Информационном
Пресс-Центре
1995 г.





Генрих Сапгир
читает стихи.
90-е гг.

Фото
Виктора Ахломова

ИЗВЕСТИЯ 2 июня 1992 г.

САМАЯ НЕЗАВИСИМАЯ ПОЭЗИЯ

Игорь Холин и Генрих Сапгир

Константин КЕДРОВ, «Известия»

Помнится, в прежние времена все требовали от поэтов актуальности. Чтобы непременно он.. откликались на все новейшие события. А те, кто не откликались? Иных уж нет, а те далече... Впрочем, некоторые остались и живы, и в тюрьму не сели, и в Париж не уехали, хотя их друзья и соратники — кто в Америке, кто в Австралии, кто совсем далеко, откуда, по словам Михаила Булгакова, извлечь человека нет никакой возможности.

У Игоря Холина и Генриха Сапгира все почему-то актуально и злободневно получается. Так по-детски, так непосредственно удивляться неиссякаемой глупости человеческой могут лишь истинные поэты. Смешно, что приняли их в Союз писателей лишь недавно. Подумать только, ведь Сапгиру нет еще и семидесяти, а Холину только 72 стукнуло. Самое время признать поэтов, которые давно переведены на все языки мира, изданы во всех цивилизованных странах. Даже в России наконец-то вышли их сборники.

Вступив в новый Союз писателей, Игорь Холин тотчас же поделился свежими впечатлениями: «Прихожу/ В Содружество российских писателей/ Навстречу улыбка/ От уха/ До уха/ Здрасти/ Здрасти/ Да вы проходите/ Будьте/ Как дома/ Чайку/ Кофейку/А может/ Коньячку рюмашечку/ Не хотите ли?! Не пью/ Печень/Сердце/ Язва желудка/ У меня дельце небольшое/ К вам/ Дельце?/ Не приказано!/ Запрещено!/ Не полагается/ Стою/ Думаю/ Демократ?/ Демократ/ Не антисемит?/ Не антисемит!/ Не бандит?!/ Не бандит!/ Куда же/ Однако/ Рога и копыта/ У него!/ Подевались?/».

На фестивале международного поэтического авангарда во Франции в городе Тарасконе, откуда родом легендарный Тартарен Доде, Игорь Холин вежливо отказался от услуг переводчика. «Вы ведь по-русски не понимаете? — обратился он к залу, состоящему из одних граждан Франции. — Ну, ничего, я вам так почитаю». Через десять минут свершилось чудо. Французы корчились от смеха. Виной всему неподдельная интонация. Она не нуждается в переводе. Я вспомнил, что нечто подобное было с поэтом Велимиром Хлебниковым. Не зная языков, он общался без переводчика, и все его понимали, и он понимал всех.

У Холина типично ветеранская биография. Воевал, два ранения, обморожены ноги, но в любой, самой молодежной аудитории он абсолютно свой — у поэтов нет возраста. Его стихи на первый взгляд очень просто написаны, но точность смысловых попаданий просто снайперская: «Два символа/ Серп/ и молот/ Две песни/ Гимн Советского Союза/ И Интернационал/ Две клички/ Партийные/ Коммунисты/ И большевики/ Два цвета/ Красный/ И коричневый/ Разве это/ Похоже на Россию/ Господа».

Если кто-то думает, что вся правда о войне уже сказана, пусть прочтет лишь недавно опубликованные стихи Игоря Холина:

Долина плоска
Как доска
Здесь
У шоссейного поворота
Цветет
Третья рота
Роту накрыл
Огненный шквал
140 рыл
В землю зарыл

Честно говоря, меня очень огорчил последний День Победы, он прошел, как в лютые времена застоя. Слово «героизм» звучало каждые две минуты. В такие дни лучше почитать свидетельство очевидца. Вот оно:

Ни звезды
Ни креста
Ни черта
Волосы
Вместо травы
Торчат
Из земли
На братской могиле

Однажды поэт сказал: «Я, Игорь Холин, торжественно заявляю, что я не принадлежал ни к какому направлению, не принадлежу ни к какому направлению и не буду принадлежать ни к какому направлению». Это звучит как поэзия.

Когда читаешь поэтические тексты Игоря Холина, возникает чувство кристальной ясности. Ни одной фальшивой ноты. Правда, правда и ничего, кроме правды. «Человек/ С красным знаменем/ В руке/ Прошелся/ Как бульдозер/ По родной стороне/ Организовал/ Соцсоревнование/ Курсы изучения/ Марксизма/ Ленинизма/ Компетентные органы/ Коммунальные квартиры/ Придумал/ Талоны на водку/ И сахар/ Затем/ Отдохнув/ После трудов непомерных/ Сказал/ Топнув ногой/ Здесь будет/ Город будущего/ Новая жизнь/ И провалился/ Неизвестно куда».

В поэзии никого нельзя обмануть. Все фальшивое роговеет и отмирает на глазах. У Холина стихи, написанные 30 и 20 лет назад, не устарели. Его имя все чаще появляется в нашей периодике и, если бы не лютая опала на поэзию «рыночников», перекочевавших в коммерческие и издательские структуры из идеологических служб, об этом поэте говорили бы сегодня миллионы читателей. Но ничего не поделаешь, была диктатура идеологическая — пришла диктатура коммерческая. Все выстроилось по Холину: «Переповинили/ Перечетвертили/ Раскромсали/ На дольки/ И квадратики/ Соединили обратно/ Склеили/ Получилось/ Совсем другое».

Генрих Сапгир только что выпустил в Париже свой новый сборник «Мыло из дебила». Это не та поэзия, к которой так долго приручали читателя совписовские классные дамы. Здесь можно узнать такие вещи, про которые и до сих пор говорить не принято. Ведь в учебниках по соцреализму сказано, что жизнь-де надо изображать не такой, какова она есть, а такою, какой она должна быть. У Сапгира жизнь такова, какова она есть:

Рассказывали на этапе?
Или привиделось когда?..
в подвале фабрика была
рано поутру в пикапе
Приезжали два «козла»
выносили замороженных
двух дебилов
нежно-розовых...
Вот так — кто занят
самогоноварением
а кто стихами
говорением...
вздыхали пели допивали...
Гудела фабрика
в подвале...
в магазине вы видали —
брали нюхали смотрели
нежно-розовое мыло
с резким запахом сирени?
Это мыло нам сварили
из дебила

Чтобы никто не заподозрил Сапгира в натурализме, приведу высказывание о поэте Андрея Битова, на мой взгляд, довольно точное: «Смещение в поэтическом мире Сапгира — не самоцель, не отражение болезненного излома души, а естественный взгляд человека, сохраняющего в себе норму жизни, которая каким-то образом оказалась этой нормы лишена».

Сапгир может писать предельно просто. Среди поэтов давно стала классикой его «Военная поэма» из двух слов. Вот она:

Взрыв.
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
Жив!!!

С другой стороны, тексты этого поэта могут показаться сверхсложными для неподготовленного читателя. Во все времена поэты нарушали благопристойность, прибегая к лексике, которая до этого казалась непоэтической. Генрих Сапгир все время прибегает «к запрещенным» приемам, используя в своей поэзии даже сверхабсурдный текст компьютерных программ. Его «Персональный компьютер», написанный совсем недавно, уже стал предметом самого пристального внимания исследователей. Кому-то может показаться, что это сатира на компьютеризацию человечества; но это нечто гораздо большее. Здесь борьба человека с любой заданной ему программой. В диалоге между компьютером и человеком уже невозможно различить, кто кого программирует: компьютер человека или наоборот. Однако тут и более глубокая мысль. Диалог между Творцом и его творением невозможен из-за несовместимости уровней.

Профессор-славист из ФРГ Вольфганг Казак так сказал о поэзии Генриха Сапгира: «Сапгир — очень одаренный поэт. Бросается в глаза многосторонность его языковых выразительных средств. Эта смелая образность, и переход материальных категорий в духовные». Материальность стихов Сапгира мнимая. Он просто любит высмеивать самого себя. В античности этому научил нас Сократ, а Генрих Сапгир очень любит античность.

Из Катулла

С яблоком голубем розами
ждал я вчера Афродиту
Пьяная Нинка и чех
с польскою водкой пришли

Во многих стихах Сапгир умышленно архаичен. Его муза — Мраморная богиня, гордо презирающая идиотизм современного мира

Афродиту
зрелые женщины —
Безрукую обнимали сзади
Казалось богиня ласкает
сама себя.
Глупый мальчик ты обманула
Эта девушка не невинна
Эта женщина не фригидна
Их любили
Богини.

Сапгир только что вернулся из Люксембурга, где прошла презентация его новой книги. Член Европейского Пэн-клуба Игорь Холин принят в новый Союз писателей только наполовину. Его никак не могут оформить в Литфонд, без которого членство в Союзе писателей теряет смысл. Ветеран войны с двумя ранениями в 72 года может и еще подождать. Для независимых поэтов мало что изменилось за последнее время. Зато поэзия их прекрасна.

Константин Кедров

НОВЫЕ ИЗВЕСТИЯ

Поэтозавр Игорь Холин

За месяц до кончины он выступал на презентации 10-го номера «Газеты ПОэзия». Он снова и снова повторял свою любимую мысль о воздействии третьего тысячелетия на поэзию конца XX века: «Это как дуновение мощного урагана, который еще далеко, но уже давит на паруса». Холин презирал аудиторию, не понимающую значимости поэзии. Почувствовав малейшее отвлечение внимания или говорок в зале, он тотчас парировал «В 40-50-е годы мы через всю Москву ехали, пробирались, проталкивались, чтобы услышать живой голос поэта. В 60-х конная милиция и та осаживала коней, когда говорил поэт. А вы смеете разговаривать во время чтения стихов. Это значит, что вы недостойны поэзии, и я не буду для вас читать». Так вспылил он однажды в 1989 году на выступлении в зале Высшей комсомольской школы. В том же году мы выступали во Франции на фестивале международного поэтического авангарда на родине легендарного Тартарена, в городе Тарасконе. «Вы ведь все равно по-русски не понимаете, поэтому я буду читать без переводчика», – сказал Игорь Сергеевич. Да и правда, чего ж тут переводить:

Прежде чем вспыхнуть
как
световое табло
Я был
Камнем Фонтебло.

Если два-три слова по-русски знаешь, итак все понятно. Впрочем, есть вещи непереводимые, давно ставшие фольклором:

Я в милиции конной служу,
За порядком в столице слежу.
И приятно на площади мне
Красоваться ни сытом коне».

Холин, пройдя всю войну от Москвы до Берлина, уже ничего и никого не боялся. «Вывели нас на снег под Москвой в 41-м и забыли. Мы там полгода болтались по лесам, подыхая от голода». Вместе со своим другом Генрихом Сапгиром они создали в барачном Лианозове независимую поэтическую республику. Из Лианозовской школы вышли почти все значимые художники второй половины века. Холин писал свои стихи повоенному кратко:

Умерла в бараке 47 лет.
Детей нет.
Работала в мужском туалете...
Для него жила на свете?

А праздничная пьяная Москва распевала его стихи, ничего не ведая об авторе: «У метро, у «Сокола» / Дочка мать укокала».

Органы, конечно, интересовались творчеством Холина. Вызывали на Лубянку:

– Почему вы пишете антисоветчину?

– Я не виноват, что у меня такое зрение. Вот вы что видите над своим столом?

– Портрет пламенного рыцаря революции Дзержинского.

– А я вижу жестяную бирку с надписью «инвентарный номер 283.

Холин считал себя реалистом, вернее, хотел им быть. Реализм его был весьма своеобразным и ни на что не похожим. Ни один советский журнал так и не смог напечатать ни одного стиха Холина за полвека. Кто же напечатает такое: «На территории больницы / Сс, Р, Рцы, Мор-мидор, Эумдр, Куз, Драпп, Хлоп, Сап, Ржцы, Аут, По, Цц».

Как истинный философ Холин в материальной сфере довольствовался малым, зная, что, кроме пенсии за инвалидность, полученной на войне, ему от советской власти ничего не положено. При родах умерла жена, и он сам один воспитал свою дочь Арину. Обида была в другом. Почему даже теперь либо не печатают, либо ни рубля не платят за писательский труд. Впрочем, на стихах эта обида не сказалась. В стихах о другом:

Солнце уходит в глубь,

Звезды уходят в глубь,
В глуби хорошо утонуть,
Глубь, ты меня приголубь».

До тяжелой болезни, прихватившей Игоря Сергеевича в последний год жизни, мы виделись каждую неделю: на поэтических вечерах или у меня дома, Холин часто повторял свою любимую заповедь: «Костя! Никого не слушайте. Делайте что хотите!». Каждый год его приглашали на международные поэтические тусовки в разные европейские страны. Москва так и не оценила своего поэта.

Правда, Игорь Холин стал культовой фигурой для продвинутой аудитории «Птюча», но это был интерес не столько к стихам, сколько к личности. Обритый наголо, в курточке, похожей на больничную пижаму, он весьма соответствовал эстетике крутой тусовки, хотя относился к себе весьма серьезно и никому ни в чем не подыгрывал.

Суровая самоирония была всю жизнь надежной защитой от пошлости. Он очень внимательно смотрел сквозь круглые старомодные очки на все, что происходит вокруг, и приходил к совершенно неожиданным выводам. Вот беседа, которую я записал:

«Время книг кончилось. Вы заметили, что в электронном наборе строчки неровные, а переносы не по правилам. Почему? Так хочет компьютер. Зачем книги, когда всю Ленинскую библиотеку можно разместить на нескольких дисках? Надо писать для глаз, а не для слуха. Слово перебирается на экран компьютера».

Я слушал эти рассуждения с интересом, хотя мог бы возразить словами самого Холина:

Электроника
атомный реактор
водородная бомба
компьютеризация...
Слова-то какие.
Скулы сводит.
Сейчас бы какую-нибудь конягу
каурой или буланой масти
погладить по слюнявой морде
и умереть от счастья.

Холин обзавелся компьютером и даже загрузил его своей прозой, но извлечь ее оттуда не мог. Часто звонил и спрашивал, на какую клавишу как нажать, а я и сам не управляюсь с этим электронным чудовищем. Холин, конечно, прав. Писать вальяжно, как раньше, уже нельзя. Надо бережно паковать в слова информацию, как это делал он: «Мы – / свет из тьмы».

Поэт отвергал все религии, а на вопрос: «Верите ли вы в Бога?», отвечал: «Верю, но в своего».

Во время путча 93-го года Холин сурово, по-военному меня инструктировал. «Заслышав стрельбу, не смотрите по сторонам, откуда, а прежде всего ложитесь. Потом уже разберетесь». В это время в районе, где жил поэт, уже стреляли вовсю. «О войне у нас нет ни одной правдивой страницы. Всё слюни да сопли!» Последний роман Холина о войне – главная вещь, над которой он работал в последние годы.

Ваш век.
Век кисельных берегов
И молочных рек.
Мой век.
Век водородных бомб
И шизофренических калек,
Ваш – голубое солнце
И оранжевое небо.
Мой – идеи Мыр Каркса
Без хлеба.

Холина называли живым поэтическим мамонтом. Таких уже нет. А в кругу друзей поэтического общества ДООС его любовно называют поэтозавром. Пожалуй, это действительно так. Холин поэтический динозавр, но не из прошлого, а из будущего. «Мои стихи будут учебным

пособием для компьютеров и пенсионеров», – написал он в одной из последних публикаций в «Газете ПОэзия». Другая заветная мысль Игоря Сергеевича о превосходстве поэзии над всеми видами искусств может быть оспорена, но как изящно она выражена и глубоко продумана. «В музыке мыслей меньше, / Чем в голове комара. / В живописи мыслей больше, / Но они неподвижны».

«Никогда не сопровождайте слово музыкой и не иллюстрируйте. Слово – единственное, что отличает человека от всей природы».

Это последнее, что я услышал от Холина. А за два дня до его кончины в серии «Классики XXI века» вышла книга «Новые ДООСские» с такими стихами Игоря Сергеевича:

Ни Вселенной, ни Галактик,
Ни Звезд, ни Планет
Ни состояния,
Ни расстояния,
Ни нас,
Ничего нет.
Есть свет

Так получилось, что первая книга Игоря Холина в твердом переплете появилась лишь после смерти этого удивительного поэта. В России надо жить долго. Холин дожил до 79, и лишь несколько месяцев отделяли его от 2000 года, куда он страстно стремился. Еще в 95-м году на открытии салона «Классики XXI века» поэт сказал: «Надо творить, но только о новом веке».

«Главная особенность новой поэзии – ее виртуальность. Фантазия в искусстве присутствовала всегда (сказки, легенды, мифы), но никогда еще воображение поэта не было так свободно и раскованно. Уплотнилось время, осталось пространство. Клип и файл – вот язык современной поэзии». Эти слова произнес поэт, написавший еще в 50-х годах:

Дамба. Клумба. Облезлая липа.
Дом барачного типа.
Коридор
18 квартир.
На стене лозунг:
МИРУ МИР!
Во дворе Иванов
Морит клопов,
Он бухгалтер Госзнака,
У Романовых пьянка
У Барановых драка.

Разумеется, Холину перекрыли все пути, но милостиво разрешили заниматься детской поэзией. Сорок лет он писал в стол:

Марсианки изумительны
Обаятельны предупредительны
Тело сделано из особого материала
Гайки болты
никелированы
Ноги изумительной красоты
Голова в форме бутылки
Половой орган находится на затылке.

Легендарный худощавый Холин и не менее легендарный Генрих Сапгир чем-то походили на Дон Кихота и Санчо Пансо. Однажды Холин сказал своим критикам: «Вот вы нас критикуете и ругаете, а нас надо холить и сапгирить». Тем временем в «Известиях» появилась злобная статья «Тунеядцы рвутся на Парнас». Речь шла о художнике Оскаре Рабине и, конечно же, о поэтах, которые никак не вписывались в официоз: Холин, Сапгир, Всеволод Некрасов. Невозмутимый Холин продолжал свою антисоветскую деятельность. Писал смешные двустишия:

Он говорил: “Я люблю их тела”
Речь между ними о женщинах шла».

Я познакомился с Холиным в Париже на фестивале международного авангарда в 1989 году. Мы вышли на сцену, и Холин сказал, обращаясь к переполненному залу: «Вы ведь по-русски все равно не понимаете, поэтому я буду читать без перевода». Зал разразился смехом и аплодисментами, поскольку состоял из русских эмигрантов и французских славистов.

Через 5 миллионов лет
Останется от нас след
Памятник миллионеру
Ухической Эхической Ахической эры
Фабрики имени
Коровьего вымени.

Его очень волновало будущее земли. Он его любил и боялся. Поразительно, до какой степени можно жить судьбой земного шара и даже Вселенной, но без малейшего пафоса:

Мой пращур
Доисторический ящер
Я связан
Всем своим существом
С любым
Несуществующим
Существом.

Холин говорил мне, что на войне самое страшное время было, когда его роту забросили в подмосковные леса и забыли. «Армия ушла вперед, а мы полгода околевали в грязи и в снегу, питаясь кореньями». Простота его стихов о войне совсем не похожа на ухарскую браваду а-ля Теркин. «Выгляди орлом / Иначе / Смешаю / С говном». Или: «С похмелья / Воевать неохота / Ору / Вперед рота / У самого рвота.

Холин недолюбливал все религии, считая, что они – сплошная идеология. Его очень волновала история христианства. Каким образом умами миллионов людей завладела одна идея. Однако атеистом он не был и оставил очень глубокие стихотворные афоризмы: «Когда я забываю о Боге, я поклоняюсь самому себе». Или «Земля не моя планета. / Моя планета из света».

На кого похож Игорь Холин? На Хармса? На Велимира Хлебникова? И да, и нет. Его путь в поэзии совершенно особый. Простота, доходящая до лубочного наива, и одновременно неимоверная сложность душевного мира. Для меня он так и остался великой загадкой, несмотря на десять лет очень близкой дружбы.

К нему применимо почти все, что говорилось о Хлебникове. Он «честнейший рыцарь русской поэзии», не поддавшийся ни на какие компромиссы во времена наиболее суровые и страшные для русской поэзии, Странно, что вторая половина XX века прошла в России под знаком неутомимой битвы властей с поэтами. Когда пришла свобода, Холину было уже 70. Но никто из молодых и талантливых не видел в нем человека преклонных лет. Более того, рискну заметить, что по смелости взглядов он был моложе всех. Он ярчайшая личность в эпоху максимального обезличивания. Может быть, это был единственный человек без маски, потому что так или иначе притворяться приходилось всем: «Иванов круши / Иванов пляши / Иванов стой / Иванов строй.».

Майор Холин не позволял собой командовать никому, даже самому Богу. Он был самый свободный поэт в самой несвободной стране. И еще он на редкость точно угадал приход и шабаш постмодернизма: «В туалет не ходил / Гадил где спал / И поедал свой кал / говоря: все равно / все превратится в говно».

Последняя мысль, высказанная Холиным и не вошедшая в собрание его трудов, меня особенно поразила: «Слово – единственное, что отличает человека от природы и Космоса. Любой соловей поет лучше самого гениального певца и сочиняет музыку гениальней самых великих композиторов. Выйдите в поле или на берег реки. Ни один художник не переплюнет Бога в пейзаже. А слово есть только у человека». В конце XX века никто не владел словом лучше Игоря Холина. Это квантовая поэзия, где поэтический смысл едва ли не в каждой букве.

«Новые известия», июнь 1999 г.

Константин Кедров

НОВЫЕ ИЗВЕСТИЯ

Век прощается с поэтом

Генрих Сапгир крестился в Париже в православном храме, хотя Москву он любил и не собирался покидать. Вечером в четверг мы ждали его в поэтическом салоне «Классики XXI века» на Страстном, д.6, Но Генрих не приехал. Он умер по дороге в троллейбусе.

Салон был особенно дорог Сапгиру. Мы создавали его в середине 90-х как остров поэзии посреди Москвы, временно одуревшей от больших денег. Так получилось, что с Генрихом мы сдружились в Париже на фестивале поэзии. 10 лет дружбы промелькнули, как дивный сон. Именно в доме Генриха, за его столом, родилась идея создать «Газету ПОэзия», и вот уже пять лет газета поэтов существует назло всем превратностям судьбы. В последнем, еще ненапечатанном номере есть стихотворение Сапгира «Свет земли». Такой свет исходил от самого Генриха.

На его детских стихах выросли целые поколения, но он не считал себя детским поэтом. «Я авангардист» – повторял он неоднократно. И еще: «Для поэзии жизни не пожалею…» Он творил стихи из всего: из дыхания, из жеста, из неожиданных сдвигов грамматики, из воспоминаний о друзьях, из дружеских застолий (их было множество), из любви, из ненависти но больше всего из смеха, Его «Парад идиотов», который мы вместе верстали в Париже для сборника «Черный квадрат» в 91-м году, ныне стал классикой.

Идут идиоты –
несут комбинаты
Заводы научные институты
Какие-то колбы колеса ракеты
Какие-то книги
скульптуры этюды
Несут фотографии
мертвой планеты
И вовсе невиданные предметы
Идут идиоты идут идиоты…

Вот двое в толпе
избивают кого-то
какого-то карлика и идиота
Несут идиоты
большие портреты
Идиоты честные – как лопаты
Идиоты ясные – как плакаты
Идиоты хорошие в общем ребята
а только идти
среди них жутковато.

Хорошо, что хотя бы восемь лет жизни Генрих хлебнул свободы в стране рухнувшей диктатуры идиотизма. Он очень любил и ценил то, что удалось отвоевать в августе 91-го Он верил, что Россия больше не вляпается в новую диктатуру.

В последние годы он писал не стихи и не циклы, а целые книги стихов. Уже в этом году сразу после тяжелейшего инсульта он позвонил мне из больницы и сказал: «Я пишу новую книгу». И написал.

В поэтическом обществе «ДООС», куда он вступил недавно, мы присвоили ему звание Стрекозавра, и Генриху это очень нравилось. Некое прозрачнокрылое существо с огромными глазами из множества прозрачных колбочек, наполненных светом.

Когда мы и говорили с ним об устройстве мироздания после посещения выставки сюрреалистов в Центре им. Помпиду, Генрих сказал – «Я знаю одно. То, что очень далеко, на самом деле внутри и близко, а то, что близко, на самом деле далеко во Вселенной». Сейчас, когда Сапгир стал так далеко во Вселенной, его присутствие здесь ощущается все ближе и ближе. Вместе со своим легендарным другом Игорем Холиным он завершает целое поэтическое тысячелетие и поэтический век.

Генрих очень любил Москву. Его вызывали в КГБ, стучали кулаком по столу и орали: «Уезжайте!». Он не уехал – уехали те, кто орал, сразу же, как представилась возможность.

Я не могу представить поэтическую Москву без Сапгира.

А может быть, и не надо представлять. Ведь поэзия остается, а она была для него дороже жизни.

«Новые известия», 9 октября 1999 г.